

МРНТИ 03.09.03

<https://doi.org/10.63051/kos.2024.4.294>***¹Каримова Р.У.** **²Масимова Х.В.** **Каримов Н.И.** ^{1,2,3}*Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Казахстан, Алматы*
E-mail: ¹*risalat.karimova@mail.ru*, ²*khalminam@mail.ru*, ³*nodar.karimov@gmail.com*

СУФИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА (XVI – XVIII ВВ.)

Аннотация. Ислам, представляющий собой сложившуюся систему и «живую традицию», обладает реальной возможностью организовать, подчинить своей цели огромные людские ресурсы и предложить свою стратегию развития. Современная политическая обстановка в центральноазиатском регионе свидетельствует о том, что новой серьезной силой здесь стал политический суфизм. Идейное преобразование ислама диктует насущную потребность пересмотра приобретенного исторического опыта. Политический суфизм особенно ярко проявил себя в истории одного из субрегионов Центральной Азии – Восточном Туркестане, где более века суфийские ходжи находились на вершине политической власти и управляли страной. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на примере Восточного Туркестана показать возможности суфизма и его влияние на жизнедеятельность государств Центральной Азии. История Восточного Туркестана рассмотрена в исследовании по-новому, в контексте ее взаимосвязанности с политическим суфизмом. Общеметодологической основой разработки темы стали принципы историзма, диалектического и системного подходов в рассмотрении исторических процессов. Взятый на вооружение метод исследования истории на основе преимущественно местных малоизученных источников представляет собой инновационный подход в достижении поставленной цели. Сравнительно-сопоставительный анализ сведений местных источников с китайской хроникой, а также данными научных исследований по теме дают дополнительную возможность для достижения поставленной цели. Проведенное исследование показало многоаспектность сущности суфизма, его реализацию в политической сфере, оказавшей заметное влияние на исторические процессы в Центральной Азии.

Благодарность: Данная статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта ИРН АР19678538 «Политический суфизм в Центральной Азии (Казахстан и Восточный Туркестан): исторические корни и современные реалии», финансируемого КН МНВО РК.

Ключевые слова: Центральная Азия, Восточный Туркестан, суфизм, политическая история, ходжи, государственная власть/

Введение

Восточный Туркестан (современный СУАР КНР) представляет собой регион Центральной Азии, территориально охватывающий Джунгарскую впадину на севере и Таримскую – на юге. Восточный Туркестан находится в самом центре Азии, на севере и западе он граничит с Казахстаном и среднеазиатскими республиками, на юго-западе – с Афганистаном и Индией, на северо-востоке – с Монголией.

В Восточном Туркестане ислам первоначально распространился в западной части региона. Первым ханом, принявшим в середине X в. ислам, был караханид Сатук Богра-хан, нареченный мусульманским именем Абд ал-Керим. Придя к власти, Сатук Богра-хан, как и его потомки, стал ревностно распространять новую религию во всем государстве и за его пределами. На востоке региона ислам закрепился в XIV в., после того как могол Хызр Ходжа-хан захватил главную твердыню буддизма в Восточном Туркестане – Уйгурское

турфанское государство. После укоренения ислама, Турфан стал второй столицей Могульского государства (Мирза Мухаммад Хайдар, 1996: 81). В Восточном Туркестане суфизм закреплялся параллельно с распространением ортодоксальных форм суннизма. Суфийские наставники были тесно связаны со своей паствой, они контролировали не только духовную, но и повседневную жизнь своих мюридов (Чвырь, 2003: 55).

Центральная Азия стала местом формирования основных суфийских орденов, здесь проповедовали известнейшие основоположники суфизма. Наиболее значимыми центральноазиатскими суфийскими орденами стали Накшбандийа-Ходжаган, Ясавийа, Кубравийа и Чишти или Шаттари (Девин ДеВиз, 2018: 1) и др. Позднее в Центральной Азии возникли условия, в которых развернулось противоборство между ними. В Восточном Туркестане имели распространение разные суфийские братства, но наибольшее влияние среди них получил орден Накшбандийа, его соперничающие партии белогорцев и черногогорцев. Исследователи отмечают, что суфизм в XV – XVIII вв. получил наибольшую популярность среди мусульманского простонародья. Он даже как бы оттеснил ортодоксальный суннизм и вышел на первые позиции (Чвырь, 2003: 55).

Политический суфизм особенно ярко проявил себя в истории Восточного Туркестана, где более века суфийские ходжи находились на вершине политической власти и управляли страной.

Современная политическая обстановка в центральноазиатском регионе говорит о том, что суфизм заявил о себе как о новой серьезной политической силе, стал важным фактором внешнеполитической и внутривнутриполитической обстановки государств Центральной Азии. Идейное преобразование ислама диктует насущную потребность пересмотра приобретенного исторического опыта, господствующей демократии, государственного устройства в контексте религиозных ценностей. Ислам, являясь сложившейся системой и «живой традицией», обладает реальной возможностью организовать, подчинить своей цели огромные людские ресурсы и предоставить иную стратегию развития. Территориальная близость Центральной Азии к Афганистану, угроза экспансии ИГИЛ и Талибана, делает регион досягаемым и недостаточно защищенным для религиозного экстремизма.

Материалы и методы исследования

Исследование многопланового, мозаичного спектра концепций аскетическо-мистического направления в исламе, объединяющего множество течений, школ, ветвей в контексте политического суфизма, его значимость и злободневность определили выбор теоретико-методологических подходов.

Общеметодологической основой разработки темы стали принципы историзма, диалектического и системного подходов в рассмотрении исторических процессов. Взятый на вооружение метод исследования истории на основе преимущественно местных малоизученных источников представляет собой инновационный подход в достижении поставленной цели. Сравнительно-сопоставительный анализ сведений местных источников с китайской хроникой, а также данными научных исследований по теме дают дополнительную возможность для осуществления намеченной задачи. Тема исследования, обусловившая постановку цели и задач, определила необходимость использования системного подхода. Нами был использован научный подход, рассматривающий суфизм в его многообразной сущности, в том числе и политической деятельности.

Научным фундаментом в работе послужили исторические сочинения, отразившие жизнь Могульского государства в обозначенный период, а также труды ученых, занимавшихся разработкой сходных нашему исследованию проблем. Новейшим инновационным методологическим подходом, использованным в анализе историко-культурного развития Казахстана и Восточного Туркестана, стал для нас принцип

максимального обращения к местным малоизученным источникам. Местные сочинения позволяют увидеть глубинную сущность событий и исторических процессов, понять их истинное значение.

В мусульманской историографии Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана особое место занимает сочинение «Тарих-и Рашиди» (Мирза Мухаммад Хайдар, 1996), написанное в XVI в. на персидском языке Мирза Мухаммад Хайдаром. Этот исторический труд получил широкую известность на мусульманском Востоке. «Тарих-и Рашиди» является главным и ценнейшим источником по истории Могулистана и Могулии в XIV – середине XVI вв. Из этого сочинения нами использованы сведения, охватившие историю региона в середине XVI в., т.е. только начальный период рассматриваемой хронологии. Тем не менее, сведения источника оказались важными для нашей реконструкции.

Мухаммад Хайдар для написания истории использует многочисленные сочинения на персидском, тюркском и арабском языках. Важным источником для него послужили также устные исторические и другие рассказы, предания и легенды, которые бытовали у могулов. Основу повествования «Тарих-и Рашиди» составляет история восточной части государства Чагатаидов – Могульского ханства; внутренние события, в которых активное участие принимали эмиры из рода дуглатов. Благодаря своему высокому положению при дворе могульского хана и родственным отношениям с Тимуридами, Мирза Хайдар был хорошо осведомлен обо всех описанных в «истории» государственных делах. Его сведения являются очень важными и отличаются высокой аутентичностью.

Основным источником в нашей работе стала историческая «Хроника» Шах-Махмуда ибн мирзы Фазила Чураса составленная между в 1672–1676 годами (Махмуд Чурас, 1976). Ее автор, представитель влиятельного могульского рода чурас, был не только свидетелем, но и активным участником политических событий в Восточном Туркестане XVII века. Созданная им «Хроника» – это обстоятельный труд по истории Яркендского ханства второй половины XVI – 70-х гг. XVII веков. «Хроника» является важным первоисточником по международным связям и внутривосточной обстановке в Восточном Туркестане (Махмуд Чурас, 1976: 14).

В работе над «Хроникой» Шах-Махмуд Чурас использовал обширный круг сочинений по истории Центральной Азии. Произведение Шах-Махмуда является жизнеописанием правящей династии Могульского ханства. «Хроника» по сути является продолжением «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара. Хроника имеет и другое название – «Тарих-и мирза Шах-Махмуд Чурас» или «Тарих-и Шах-Махмуд Чурас». Поскольку сочинение не было названо автором, оно известно под условным обозначением «Хроника». Шах-Махмуд Чурас, являясь типичным представителем военно-кочевой знати Могульского государства, конечно же, отразил в своем сочинении взгляды и интересы своего сословия. Он был сторонником утвердившейся ханской власти и делал все для ее укрепления.

Среди письменных источников по истории Могульского государства исследуемого нами периода важное значение для нас имеют сочинения «Тарих-и аминийа» и его переработанная версия – «Тарих-и хамиди» Мулла Муса ибн Мулла ‘Иса-ходжа Сайрами, написанные в начале XX в. на чагатайском языке (Таарих-и Эмэние, 1905). Они посвящены истории Кашгарии, главным образом 60-70 гг. XVIII в., отражают историю ханской династии, а также появления и вхождения в государственную жизнь суфийских ходжей.

«Ислам-нама» или «Книга Ислама» Муллы Мухаммада ‘Абд ал-‘Алима ибн Ахуна Арзу Мухаммада (Мулла Абд ал-Алим, 1989), созданная в 1180/1767 г., содержит сведения о двух уйгурских шейхах в Могульском государстве и их противостоянии в XVIII в. против джунгаров.

Обсуждение

Наше исследование хронологически совпало с могульским периодом в истории Восточного Туркестана, который на сегодняшний день остается наименее изученным. На краткой характеристике наиболее важных для нас трудов мы остановимся.

Большое значение для реконструкции истории могулов, Могулистана, Могульского государства имеют труды В.П. Юдина. Персидские и тюркские источники, послужившие основой его исследований, позволили автору рассматривать этническую, политическую и культурную историю субрегиона и, насколько позволяли материалы исторических сочинений, воссоздать объективную картину его развития. Статьи В.П. Юдина, посвященные анализу малоизученных источников «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи (Юдин, 1992), «Зийа ал-кулуб» Мухаммада Аваза (Юдин, 1966) и др., отличают глубокое понимание содержания текста рукописей, отразившихся в них сложных исторических процессов, протекавших на территории Центральной Азии.

Обстоятельный научный анализ отличает труды О.Ф. Акимушкина (Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) // Восточный Туркестан и Средняя Азия) (Акимушкин, 1984), его критический текст, комментарии и исследование к сведениям основного источника исследуемого нами периода – «Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника» (Махмуд Чурас, 1976). С каждым сведением источника автор кропотливо работал, критически рассматривал и давал свой основательно аргументированный научный комментарий. В этих обширных комментариях воссоздается история Центральной Азии.

Монография О.В. Зотова «Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. (межгосударственные отношения)» (Зотов, 1991) посвящена проблемам отношений между императорским Китаем и государствами Восточного Туркестана в рамках указанной хронологии. Реконструируя историю субрегиона в контексте темы, автор показал подлинную роль суфийских ходжей в смутный для страны период. Их интриги, соперничество с ханами правящей династии, борьба между кланами суфийского ордена настолько усложнили положение, что в итоге привели страну к катастрофе.

Л.А. Чвырь посвятила исследованию т.н. народного ислама у уйгуров статью «Ислам у уйгуров Восточного Туркестана (XIX–XX вв.)» (Чвырь, 2003). В ней автор рассматривает во взаимосвязи несколько важных вопросов истории и этнографии уйгуров, относящихся к области мировоззрения, религиозных верований уйгуров через призму народных традиций. Л.А. Чвырь отметила, что мусульманская культура развивалась в регионе преимущественно суфийском варианте и параллельно шел процесс слияния «суфизма с местным ортодоксальным суннизмом» (Чвырь, 2003: 53).

Результаты исследования

Влияние суфизма на политическую историю Восточного Туркестана начинает проявляться с конца XVI века, периода, который вошел в историю региона как могульский. Могульский период длился до XVIII в., т. е. вплоть до завоевания Восточного Туркестана маньчжурским Китаем. Что же представлял собой регион в политическом аспекте в это время. В начале XVI в. чагатайские ханы, вытесненные из Могулистана и Средней Азии, основали на территории Восточного Туркестана новое государство. В источниках это государство получило название Могулия или Могульское государство. В состав Могульского государства вошли Кашгария, а также, исходя из сведений восточнотуркестанских сочинений, и самостоятельное государство Чагатаидов в Турфане и Чальше (Карашар). Сюда же входил и Комул. Куча и Бай получили статус особой административной единицы в рамках государства, поскольку в некоторые периоды они отлагались от центра и становились независимым владением (Акимушкин, 1984: 156-158;

Юдин, 2001: 253). Столицей Могульского государства стал г. Яркенд. По названию столицы государство получило название Яркендского ханства. Таким образом, Могульское государство распространяло свою власть почти на всю территорию Восточного Туркестана.

Суфизм, как отмечалось выше, стал заметным явлением в политической жизни Восточного Туркестана с конца XVI в., времени, когда по приглашению Абд ал-Карим-хана в Могульское государство где-то между 1582-1591 гг. прибыл Ходжа Исхак, возглавлявший черногорскую партию братства Накшбандийа-Ходжаган [согласно сведениям Мулла Муса Сайрами, Ходжа Исхак прибыл в Яркенд при Мухаммад-хане, – (Таарих-и Эмэние, 1905: 18)]. Ходжа Исхак сразу же попытался принять участие во внутривосточной жизнедеятельности Могульского государства. По-видимому, по этой причине отношения между ханом и ходжой не сложились. Ходжа Исхак основал в Аксу ханаках (обитель суфиев. – Р.К.), которая продолжала функционировать и в начале XVIII века. Но в целом, деятельность ходжи носила не столько религиозный, сколько политический характер. Например, с его именем связывают восстание Курайш-султана против центральной власти. Это была первая и неудачная попытка ходжей внедриться в государственную политику Восточного Туркестана. Спустя три года после прибытия ходжа Исхак был вынужден по приказу Абд ал-Карим-хана покинуть пределы государства (Махмуд Чурас, 1976: 162, 275). Однажды вступив на землю Восточного Туркестана, ходжи не упускали его из виду, лелея далеко идущие планы на его использование в своих политических устремлениях. Внутривосточная обстановка в Могульском государстве со временем предоставила им прекрасные возможности для освоения региона.

Как видно из сообщений хронистов, в Могульском государстве постоянно происходили столкновения в среде правящих кланов. Причиной тому иногда служили случайные происшествия, но чаще всего это была борьба за власть, влияние, владения. В 1591/92 г. (возможно, в конце 1590/91 г.) умер Абд ал-Карим-хан. После его смерти на престол, не без интриг, был возведен Мухаммад-хан, пятый сын Рашид-хана и родной брат Абд ал-Карим-хана. Мухаммад-хан, по-видимому, еще как-то мог сдерживать сепаратистские выступления отдельных членов клана и держать их в повиновении, тогда как его старший сын и преемник Шуджа ад-Дин Ахмад-хан не сумел противостоять центробежным силам (Махмуд Чурас, 1976: 290-291). В 1614/15 г. в Аксу и Уче начался мятеж против ханской власти, организованный зятем хана, Искандар-султаном. Причину мятежа анонимный автор «Истории Кашгарии» видел в дурном влиянии эмиров, окружавших султана, а Махмуд б. Вали – в сговоре Искандар-султана с владельцем Карашара и Турфана Абд ар-Рахим-ханом (Махмуд Чурас, 1976: 189–192, 295–296). Еще один мятеж, прервавший правление Шуджа ад-Дин Ахмад-хана, произошел в 1618/19 году. Хан и многие эмиры были перебиты мятежниками.

Таким образом, при Шуджа ад-Дин Ахмад-хане центральная власть в Могульском государстве заметно ослабевает. Как видно из сообщений источников, при Шуджа ад-Дин Ахмад-хане Могульское государство было озабочено попытками сохранить контроль над восточной частью государства. При его преемнике Абд ал-Латиф-хане приоритет в государственной политике перешел к оборонительным действиям против экспансии Абд ар-Рахим-хана, который, обретя союзника в лице своего зятя – казахского Ишим-хана, настолько усилился, что Бай, например, практически все время находился в его руках. Эта борьба стоила центральной власти больших усилий.

В такое непростое для страны время на политической арене Восточного Туркестана вновь появляются ходжи и активно включаются в борьбу за политическое господство. Ходжа Шади (Мухаммад-Йахйа), согласно Бахр ал-асрар, сыграл роль посредника в мирных переговорах между Абд ал-Латиф-ханом и Абд ар-Рахим-ханом. При его посредничестве был заключен непрочный мир (Махмуд Чурас, 1976: 203-204, 304). После смерти Абд ал-

Латиф-хана влиятельные эмиры возвели на престол Султан-Ахмад-хана, сына Тимур-хана, бывшего в это время правителем Аксу. В стране вновь развернулась усобица, на этот раз между сыновьями Тимур-хана. В ходе единоборства на престоле оказался другой сын Тимур-хана, Султан-Махмуд-хан. Эти события произошли в 1632/33 г. согласно «Истории Кашгарии», по Махмуду б. Вали, они имели место несколько ранее, в 1630/31 г. (Махмуд Чурас, 1976: 205-208, 304-305).

Борьбу братьев контролировали ходжи. Султан-Махмуд-хан был свергнут с престола в 1635/36 году, после чего скоропостижно скончался. Причину устранения и кончины хана сведения «Анис ат-талибин» объясняют тем, что Султан-Махмуд-хан пытался вести независимую от ходжей государственную политику. Ходжа Шади назвал его действия несовместимыми с благородным шариатом и объявил, что «Великие от веры устранили из [сего] мира Клыч-хана (Султан-Махмуд-хана) и посадили вместо него Фулад-хана (Султан-Ахмад-хана)» (Махмуд Чурас, 1976: 31, лл. 99б – 100а). Так на яркендском престоле вновь воцарился Султан-Ахмад-хан, характеризующийся источниками слабым, неблагоразумным человеком, к которому подданные питали отвращение. Более того, именитые эмиры и бахадурь Кашгара, Яркенда, Хотана в конце концов отложились от Султан-Ахмад-хана, которому пришлось отказаться от государства и бежать в Бухару. В одном из предпринятых сражений против андижанцев Султан-Ахмад хан был убит (Махмуд Чурас, 1976: 39-40, 209-211). Такой конец постиг Султан-Ахмад-хана по вполне понятным причинам. Поддержанный вначале и возведенный на престол Ходжой Шади, он, как и его предшественник Султан-Мухаммад-хан, вступил в конфликт с черногорскими ходжами, за что и поплатился потерей государства и своей жизнью. Как видно, ходжи к этому времени обрели реальную власть и могли по своему усмотрению решать судьбы правителей и государства.

После Султан-Ахмад-хана на престол Могульского государства взошел в 1638/39 г. Абдаллах-хан (Махмуд Чурас, 1976: 307, лл. 90б, 89б; Таарих-и Эмэние, 1905: 18). Он подчинил все государство своей власти, осуществив, таким образом, цель своего отца Абд ар-Рахим-хана. С этого времени в Могульском государстве утвердилось правление турфанской ветви Могульской династии. Абдаллах-хан проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Его правление нельзя назвать спокойным. Страну будоражили мятежи удельных правителей и набеги джунгар. Тем не менее, Абдаллах-хану удавалось совершать военные походы на соседние государства. Например, он совершил несколько походов в Ферганскую долину. В одном из них был осажден Андижан. Осада города завершилась его взятием и разграблением (Махмуд Чурас, 1976: 216-221).

По мере ослабления Могульского государства, страну стали беспокоить внешние враги. В XVII в. частые набеги на восточнотуркестанские земли совершали джунгары. Могульские ханы первое время удачно отражали эти вторжения. Но со временем обстановка поменялась не в пользу могулов, тем более, что государство лихорадили междоусобицы. В одном из походов против джунгар между Абдаллах-ханом и его сыном, наместником Кашгара Йулбарс-ханом возник конфликт, вынудивший ханов разойтись и разными путями возвращаться в свои владения (Махмуд Чурас, 1976: 231-233). В этой ссоре вновь заметно участие ходжей. Йулбарс-хан опирался в политической борьбе на «белогорцев», центром влияния которых был Кашгар. Абдаллах-хан был приверженцем «черногорцев». Другой сын Абдаллах-хана – наместник Аксу и Уча Нур ад-Дин-хан в этом противоборстве выбрал сторону отца. Он послал в Яркенд своего даруга Нур-Амана к Ходже Мухаммад-Абдаллаху и пригласил его посетить Аксу. Ходжа с уважением отнесся к приглашению и выехал по назначению. Йулбарс-хан, позавидовав отношению к брату отца, приказал схватить и казнить Нур-Амана (Китайские документы, 1994: 259; Махмуд Чурас, 1976: 317).

Йулбарс-хан правил Кашгарским уделом фактически самостоятельно. Он обладал неуравновешенным, мнительным характером и потому совершал много необдуманных

действий в государственных делах. По малейшему подозрению Йулбарс-хан отстранял эмиров и назначал на их место других. Такая политика не могла не вызвать недовольства его подданных, поэтому в уделе Йулбарс-хана было неспокойно. Абдаллах-хан в последние годы своего правления фактически владел только Яркендом. Подозрительный и жестокий, с крутым и решительным нравом, он довел своих подданных до бедственного положения. Хотан и Керия в это время были владениями сына Йулбарс-хана – Убайдаллах-султана, Барджук (Барчук?) и Сарикол принадлежали самому Йулбарс-хану, Аксу и Уч – Нур ад-Дин-хану. Йулбарс-хан задумав отстранить отца от власти, разослал эмирам Яркенда письма с призывом к мятежу. Некоторые эмиры, боясь мнительности хана, не решились сообщить об этом неблагоприятном поступке его сына. Когда Абдаллах-хан узнал о происходящем, он казнил тех эмиров, которые не доложили ему о письмах сына.

Абдаллах-хан и поддержавший отца Нур ад-Дин-хан двинулись объединенными войсками на Кашгар. Йулбарс-хан, отправил навстречу им войско Кашгара, а сам ночью тайно бежал из города. Абдаллах-хан жестоко расправился с вельможами, заподозренными в причастности к готовившемуся мятежу, после чего пожаловал Кашгар Нур ад-Дин-хану (Махмуд Чурас, 1976: 234-236).

Нур ад-Дин-хан не задерживаясь в новоприобретенном владении, удалился в свою резиденцию в Куче. С особой жестокостью он покарал мятежников в своих вилайатах: перебил кашгарских эмиров вместе с родственниками и слугами, а с муллы Мухаммад-Латифа Бухари повелел живьем содрать кожу. Сам хан во время этой репрессивной кампании предавался пьянству. Карательными мерами и произволом он довел народ до ужасающего состояния. В 1667 г. Нур ад-Дин-хан убедил отца совершить новое вторжение в Андижан. Они выступили объединенными войсками в военный поход, но в местности Сариг-Йази Нур ад-Дин-хан внезапно заболел и умер. Абдаллах-хан, потеряв сына и союзника вынужден был вернуться в Яркенд и распустить войско. Тем временем Йулбарс-хан внезапно напал на Кашгар, но не смог захватить крепость и удалился ни с чем. Несмотря на это Абдаллах-хан в страхе покинул свои владения и бежал в Кашмир. Эти события произошли в 1668 году. В Кашмире он был достойно принят ханом Аурангзебом. В 1675 г. Абдаллах-хан умер в Кашмире (Махмуд Чурас, 1976: 237-240, 319-320; История Казахстана, 2006: л. 976).

После бегства Абдаллах-хана в стране вновь разгорелась усобица между Йулбарс-ханом и Исмаил-ханом, братом Абдаллах-хана и ставленником черногорских ходжей. В этой борьбе победу одержал Йулбарс-хан. На этом противоборство не закончилось, оно проходило в дальнейшем с переменным успехом. Во владении Исмаил-хана оставались Аксу, Уч, Бай и Куча. Йулбарс-хан выдвинулся во главе огромного объединенного войска на Аксу и Уч. Однако в произошедшем сражении Йулбарс-хан потерпел сокрушительное поражение, только незначительная часть войска вернулась назад. Тогда на помощь был призван джунгарский Сенгэ-хан и победа вновь досталась Йулбарс-хану. Безвольный, трусливый и подозрительный Йулбарс-хан, не смотря на одержанную победу, стал сомневаться в своем союзнике и решил уйти на службу к отцу. Он передал государство Сенгэ, но не покинул пределов страны, а продолжил, как полноправный правитель, притеснять и карать своих подданных. В конце 1669 г. был совершен дворцовый переворот, в результате которого деспот был низложен и убит (Махмуд Чурас, 1976: 242-244). Эти события также произошли не без влияния ходжей. Йулбарс-хан был ставленником и родственником главы белогорцев Ходжи Аппака. Такая расстановка сил не устраивала черногорских ходжей, которые, использовав создавшуюся ситуацию, в сговоре с джунгарами и осуществили дворцовый переворот.

После смут, заговоров, переворотов, жестоких сражений и осады столицы в апреле 1670 г. на престол был возведен в соответствии с древними традициями Исмаил-хан.

Исмаил-хан оказался дальновидным политиком, он стремился к укреплению государства: простил своих бывшим недругов, сделал новые важные назначения. Хан попытался примирить белогорских и черногорских ходжей. С этой целью он отправил главу белогорцев и основного своего врага Ходжу Аппака в изгнание. Исмаил-хан также стремился ослабить позиции военно-кочевой знати, назначая на стратегически важные посты, «безродных» и «малых». Этими мерами ему удалось достичь некоторой стабильности в государстве (Махмуд Чурас, 1976: 244-250, 323).

Исмаил-хан правил, как сообщается в «Истории Кашгарии» и «Тарих-и аминийа», 12 лет. Ему не давали спокойно управлять страной усобицы между могульскими претендентами на власть и джунгары, стремившиеся контролировать регион. В 1681 г. джунгары совместно с владельцами Турфана и Карашара организовали поход на Яркенд и Кашгар. Им удалось не только победить в сражении, но и низложить Исмаил-хана. Первоначально на могульский престол был возведен Аппак Ходжа, который дипломатично уступил бразды правления на короткое время законным наследникам Абд ар-Рашид-хану и Мухаммад Эмину (Махмуд Чурас, 1976: 186, 323).

Мухаммад Садик Кашгари считал устранение Исмаил-хана следствием изгнания из страны Ходжи Аппака, который, уехав в Тибет, сумел добиться поддержки далай-ламы. Т.н. «Брахманы» обратились с письмом к джунгарскому хану Галдан-Бошокту и просили его вступить за погрязшие права ходжи в Яркенде и Кашгаре. И Галдан-Бошокту вторгся в Могульское государство. Жители Яркенда, судя по сообщениям источника, сдали город якобы на том условии, что во главе государства будет поставлен кто-либо из ходжей. Так страной стал управлять Ходжа Аппак, а джунгары вернулись в свои пределы, уведя с собой плененного Исмаил-хана. О.Ф. Акимушкин критично воспринял это сообщение Мухаммад Садика Кашгари, обоснованно оценив его как необъективное, поскольку хронист сам тяготел к белогорской партии (Махмуд Чурас, 1976: 27-30, 323-324; Таарих-и Эмэние, 1905: 20). Неопровержимым здесь представляется низложение Исмаил-хана как результат деятельности ходжей.

Ходжи не оставляли планов завладеть могульским престолом, они устраивали бесконечные смуты, используя при этом свои связи с джунгарами. Вскоре Абд ар-Рашид-хан был захвачен джунгарами и препровожден в свою ставку в Или, а Мухаммад Эмин был убит. После выведения из противоборства подлинных наследников Ходжа Аппак снова занял престол.

В Восточном Туркестане в конце XVII в. вновь сложилось двоевластие: в Кашгаре правил внук Ходжи Аппака Ахмад Ходжа, а в Яркенде – Мухаммад Мумин, сын Баба-хана, поддерживаемый черногорскими ходжами (Зотов, 1991: 76). С этого времени и вплоть до цинского завоевания субрегиона Восточным Туркестаном правили ходжи (белогорцы, затем черногорцы), находившиеся под сюзеренитетом Джунгарского ханства, оформившегося в начале XVIII века. Между кланами белогорских и черногорских ходжей постоянно шло противоборство. Джунгарские ханы сами оказались вовлеченными в борьбу и размежевались в зависимости от приверженности тому или иному клану. Более того, джунгары вели военные действия между собой, защищая интересы разных группировок ходжей.

Засилье джунгар для народа Восточного Туркестана было особенно болезненным вследствие принадлежности к разным религиям. Став мусульманами население региона постоянно находилось в состоянии газавата по отношению к своим соседям-иноверцам, поэтому подчинение джунгарам было для них тяжелым испытанием. Помимо этого Джунгарское ханство раздирали внутренние противоречия и военные действия с цинским Китаем и они осложняли без того тяжелую участь местного населения. Изнурительные обложения привели народ в бедственное состояние. Так, например, осенью 1730 г. Галдан

Цэрэн направил людей в Яркенд, Кашгар и Хотан, чтобы отобрать там 30 тысяч коней. Такие поборы вызывали возмущение уйгуров (Китайские документы, 1994: 64).

Положение Восточного Туркестана ухудшилось с началом военных действий Цинской империи против джунгар. В 1697 г. умер Галдан-Бошокту-хан. Новый правитель ойратов Цэван-Рабдан в 1713 г. увез внука Аппак-ходжи, Ахмад-ходжу вместе с двумя его сыновьями – Бурхан ад-Дином и Хан-Ходжой в Илийский край (Мулла Абд ал-Алим, 1989: 247), усилив тем самым зависимость Кашгарии. Правителем Яркенда был назначен один из сыновей Галдана. Но сложность управления страной, усиление борьбы против джунгарского господства заставили джунгарского хана пойти на соглашение с ходжами. В 1720 г. ойраты возвратили черногорского Данияла ходжу в Кашгарию и восстановили его правление в качестве вассала Джунгарского ханства. Сыновья Данияла ходжи получили уделы по всей стране. В заложниках у ойратов остались Ходжа Джихан, старший сын Данияла ходжи и белогорские ходжи. Ходжа Джихан после смерти отца получил от правителя Джунгарии Галдан-Цэрэна яркендский удел на правах вассальной зависимости (Мирза Мухаммад Хайдар, 1996: 76-85).

Молла Муса Сайрами перечисляет правителей из черногорских ходжей после Данияла ходжи в следующей последовательности: Убайдулла ходжа, Якуп ходжа, Юсуп ходжа и Хамуш ходжа. Якуп ходжа правил в Яркенде, Юсуп ходжа – в Кашгаре, Хамуш ходжа – в Аксу (Мулла Муса, 1988: 20). Убайдулла ходжа был правителем Комула. Остальные ходжи были сыновьями Убайдуллы ходжи и, по-видимому, владели перечисленными уделами.

Используя противоречия, захлестнувшие Джунгарское ханство в середине 50-х гг. XVIII в., владетель Яркендского ханства Йусуф-ходжа провозгласил свою независимость. Он попросил поддержки у среднеазиатских Кокандского и Хивинского ханств. Но джунгарам к этому времени стало не до Восточного Туркестана.

Заключение

Анализ использованных нами материалов позволяет сделать определенные выводы. Могульское государство ослабили внутренние противоречия: междоусобицы влиятельных могульских эмиров, сепаратистские интересы которых ввергли страну в политическую раздробленность, привели к экономическому упадку и, в конце концов, к утрате суверенитета. Могулы правили Восточным Туркестаном до начала XVIII века. Однако в последние века они уже не обладали реальной силой и властью. Правители вполне осознавали свою слабость и беспомощность, реальную угрозу, исходящую от военно-феодалных кланов. Ханы пытались противопоставить им разные силы и, в частности, авторитетных суфийских лидеров – ходжей. Но они просчитались, поскольку именно ходжи лишили Могулов политической власти и устранили династию с политической арены Восточного Туркестана (Зотов, 1991: 105).

Литература:

Акимушкин О.Ф. Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1984. С. 156–164.

Девин ДеВиз и Джо-Энн Гросс. (2018). Переосмысление истории суфийских общин в Центральной Азии: преемственность и адаптация в источниках и социальных рамках. *Sufism in Central Asia: new Perspectives on Sufi Traditions, 15th–21st Centuries / Description: Leiden; Boston: Brill, | Series: Handbook of Oriental Studies. Section 8, Uralic and Central Asian studies; volume 25.*

Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. (межгосударственные отношения). М.: Наука, 1991. 169 с.

История Казахстана, 2006 - История Казахстана в арабских источниках // Сб.: в 3 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. 3. 272 с.

Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV – XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. 272 с.

Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимовской. М.: Наука, 1976. 407 с.

Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996. 727 с.

Мулла Абд ал-Алим. «Ислам-намэ» / предисловие, перевод и комментарий В. П. Юдина // Международные отношения в Центральной Азии. XVII – XVIII вв. Документы и материалы: в 2 кн. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. Кн. 2. С. 247–254.

Мулла Муса ибн Мулла Иса Ходжа Сайрами. Тарих-и хамиди. Подготовил к изданию Анвар Байтур. Пекин, 1988. 732 с.

Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы, бен Мулла Айса, сайрамца: издание Н.Н. Пантусова. Казань, 1905.

Чвырь Л.А. Ислам у уйгуров Восточного Туркестана (XIX–XX вв.) // Вестник РГНФ, 2003, № 3. С. 50-59.

Юдин В.П. «Зийа ал-кулуб» Мухаммада Аваза о казахах XVI века // Вестник АН КазССР. 1966. № 5 (253). С. 71-76.

Юдин В.П. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, перевод, транскрипция, технологические примечания, исследование В. П. Юдина; подготовила к изданию Ю. Г. Баранова; комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 384 с.

References:

Akimushkin O.F. (1984) Khronologiya pravitelej vostochnoj chasti Chagatajskogo ulusa (liniya Tugluk-Timur-khana) // Vostochnyj Turkestan i Srednyaya Aziya. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury Izdatelstva «Nauka». P. 156–164. (in Rus.)

Devin DEViz i Dzhо-Enn Gross (2018) Pereosmyslenie istorii sufijskikh obshchin v Tsentralnoj Azii: preemstvennost i adaptatsiya v istochnikakh i sotsialnykh ramkakh. Sufism in Central Asia: new Perspectives on Sufi Traditions, 15th–21st Centuries / Description: Leiden; Boston: Brill, | Series: Handbook of Oriental Studies. Section 8, Uralic and Central Asian studies; volume 25. (in Rus.)

Zotov O. V. (1991) Kitaj i Vostochnyj Turkestan v XV–XVIII vv. (mezhdosudarstvennyye otnosheniya). M.: Nauka. 169 p. (in Rus.)

Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh (2006) // Sb.: v 3 t. Almaty: Dajk-Press. T. 3. 272 s. (in Rus.)

Kitajskie dokumenty i materialy po istorii Vostochnogo Turkeстана, Srednej Azii i Kazakhstana XIV – XIX vv. Almaty: Gylym, 1994. – 272 s. (in Rus.)

Shakh-Makhmud ibn mirza Fazil Churas (1976). Khronika. Kriticheskij tekst, perevod, komentarii, issledovanie i ukazateli O. F. Akimushkina. M.: Nauka, 1976. 407 p. (in Rus.)

Mirza Mukhammad Khajdar (1996). Tarikh-i Rashidi. Tashkent: Fan. 727 p. (in chagaray)

Mulla Abd al-Alim (1989). «Islam-namE» / predislovie, perevod i kommentarij V. P. Yudina // Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentralnoj Azii. XVII – XVIII vv. Dokumenty i materialy: v 2 kn. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. Kn. 2. P. 247-254. (in Rus.)

Mulla Musa ibn Mulla Isa Khodzha Sajrami (1988). Tarikh-i khamidi. Podgotovil k izdaniyu Anvar Bajtur. Pekin, 1988. 732 p. (in Chagatay)

Taarikh-i Emenie (1905). Istoriya vladetelej Kashgarii, sochinenie Mully Musy, ben Mulla Ajsa, sajramtsa: izdanie N.N. Pantusova. Kazan. (in Chagatay)

Chvyr L.A. (2003) Islam u ujugurov Vostochnogo Turkestana (XIX–XX vv.) // Vestnik RGNF, 2003. № 3. P. 50-59.(in Rus.)

Yudin V.P. (1966) «Zija al-kuluB» Mukhammada Avaza o kazakhakh XVI veka // Vestnik AN KazSSR. № 5 (253). P. 71-76.(in Rus.)

Yudin V.P. (1992) Utemish-khadzhi. Chingiz-name / faksimile, perevod, transkriptsiya, tekhnologicheskie primechaniya, issledovanie V. P. Yudina; podgotovila k izdaniyu YU. G. Baranova; kommentarii i ukazateli M. KH. Abuseitovoj. Alma-Ata: Gylym. 296 p.(in Rus.)

¹Каримова Р.У. ²Масимова Х.В. ³Каримов Н.И.

^{1,2,3}Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан
E-mail: ¹risalat.karimova@mail.ru, ²khalminam@mail.ru, ³nodar.karimov@gmail.com

ШЫҒЫС ТҮРКІСТАННЫҢ САЯСИ ТАРИХЫНДАҒЫ СОПЫЛЫҚ (XVI – XVIII ҒҒ.)

Аңдатпа. Қалыптасқан жүйе және «тірі дәстүр» болып табылатын исламның орасан зор адами ресурстарды ұйымдастыруға, өз мақсаттарына бағындыруға және дамудың басқа стратегиясын ұсынуға нақты мүмкіндігі бар. Орталық Азия аймағындағы қазіргі саяси жағдай саяси сопылықтың өзін жаңа салмақты күш ретінде жайыланғанын көрсетеді. Исламның идеологиялық өзгеруі алынған тарихи тәжірибені қайта қараудың шұғыл қажеттілігін талап етеді. Саяси сопылық, әсіресе, бір ғасырдан астам сопы қожалар саяси биліктің шыңында болып, ел билегені Шығыс Түркістан тарихында ерекше айқын көрінді. Осы зерттеудің мақсаты Шығыс Түркістан мысалында сопылықтың Орталық Азия мемлекеттерінің тарихына әсерін көрсету болып табылады. Шығыс Түркістан тарихы зерттеуде жаңа жолмен, оның саяси сопылықпен байланысы тұрғысынан қарастырылды. Тақырыпты әзірлеудің жалпы әдістемелік негізі тарихшылық принциптері, тарихи процестерді қарастырудың диалектикалық және жүйелік тәсілдері болды. Негізінен жергілікті аз зерттелген дереккөздер негізінде тарихты зерттеудің қабылданған әдісі алға қойылған мақсатқа жетудегі жаңашыл тәсілі болып табылады. Жергілікті дереккөздердің мәліметтерін қытай жылнамаларымен, сондай-ақ тақырып бойынша ғылыми зерттеулердің мәліметтерімен салыстырмалы талдау жоспарланған тапсырмаға қол жеткізуге қосымша мүмкіндік береді. Жүргізілген зерттеу Орталық Азиядағы тарихи процестерге айтарлықтай әсер еткен сопылық мәнінің, оның саяси салада жүзеге асырылуының жан-жақтылығын көрсетті.

Алғыс: Мақала AP19678538 «Орталық Азиядағы саяси сопылық (Қазақстан және Шығыс Түркістан): тарихи тамырлар мен қазіргі замандағы шындықтар» ғылыми жобасын орындау аясында жазылған.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Шығыс Түркістан, сопылық, саяси тарих, қожа, мемлекеттік билік

¹Karimova R.U. ²Massimova Kh.V. ³Karimov N.I.

^{1,2,3}R.B. Suleymenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan,
E-mail: ¹risalat.karimova@mail.ru, ²khalminam@mail.ru, ³nodar.karimov@gmail.com;

SUFISM IN THE POLITICAL HISTORY OF EASTERN TURKESTAN (16TH – 18TH CENTURIES)

Abstract. Islam, as an established system and a 'living tradition', has a genuine opportunity to organise and direct substantial human resources towards its goals, offering an alternative development strategy. The current political landscape in Central Asia suggests that political Sufism has emerged as a significant new force. The ideological evolution of Islam necessitates a timely reassessment of its accumulated historical experience. Political Sufism has asserted itself with particular force in the history of East Turkestan, where Sufi khojas held the highest political power and governed the region for over a century. The aim of this study is to demonstrate the influence of Sufism on the history of Central Asian states, using East Turkestan as a case study. The history of East Turkestan is re-examined from a fresh perspective, highlighting its relationship with political Sufism. The methodological framework for this research is based on the principles of historicism, along with dialectical and systemic approaches to studying historical processes. The use of a research method that relies predominantly on local, lesser-known sources represents an innovative approach to achieving the research objectives. Comparative analysis of information from local sources, Chinese chronicles, and existing scholarly studies provides an additional means to fulfil the research aims. The study reveals the multifaceted nature of Sufism and its manifestation within the political domain, which had a significant impact on historical developments in Central Asia.

Acknowledgement: The reported study article is part of project AP19678538 «Political Sufism in Central Asia (Kazakhstan and East Turkestan): historical roots and modern realities».

Key words: Central Asia, East Turkestan, Sufism, political history, Khojas, state power

Авторлар туралы мәлімет:

Каримова Рисалат-Биби Усмановна, т.ғ.д., профессор, бас ғылыми қызметкер, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Масимова Халминьям Валет кизи, филол.ғ.к., аға ғылыми қызметкер, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Каримов Нодар Исмаилович, т.ғ.к., аға ғылыми қызметкер, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Сведения об авторах:

Каримова Рисалат-Биби Усмановна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт востоковедения им Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан.

Масимова Халминьям Валет кизи, к.филол.н., старший научный сотрудник, Институт востоковедения им Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан.

Каримов Нодар Исмаилович, к.и.н., старший научный сотрудник, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан.

Information about the authors:

Karimova Risalat-Bibi Usmanovna, Doctor of Historical Sciences, professor, chief researcher, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

Masimova Halminyam Valet kizi, PhD, senior researcher, R.B. Suleimenov, Almaty, Kazakhstan.

Karimov Nodar Ismailovich, PhD, senior researcher, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.